

4 МАЯ 1961

ИЗ БЛОКНОТА
ЖУРНАЛИСТА

ПАВЛОДАР — ГОРОД ТЕАТРАЛЬНЫЙ

КОГДА павлодарский театр появился на Кремлевской сцене, — а его дебют стал заметным среди вышедших зимних гастролей, — так в подмигивании обрушил на него восторг: молодой, явущий, а артист Олег Афанасьев, как издалека выражаются критики, уж очень «сочными мазками лепит задоминавшийся образ Присыпкин».

Но было в облике театра нечто такое, что рождало потребность посмотреть на него в родном городе.

«Позная» — ежедневно пономому любимое слово. Вот, пожалуй, какой афоризм Маяковского мог служить эпиграфом к репертуару, показанному в Москве, который составляли: «Клоп» В. Малковского, собственная композиция «Я к вам приду» по произведениям того же автора и пьеса А. Арбузова «Город на заре». Разговаривая со зрителем, театр одинаково заботится о освещении звучания слова и о влиянии его значения. При этом все экспоненты в области формы помещены на добычу психологической правды, а поиска собственной авторства не отмечены несомненно жадно созданы на руинах традиций, с чем нередко приходится сталкиваться.

В «Клопе», так же похожем на другие спектакли того же названия (в комедия эта знает поистине классические толкования на советской сцене), меньше всего ощущается стремление кого-то переосмыслить. А если режиссер Владимир Кузнецов и идет брешь в плотные привычного взгляда на комедию, то только ради обнаружения сегодняшних связей ее с реальностью.

Присыпкин, отравившийся от класса пролетарий, — лично, как известно, абсурдное, он — гротеск; гипербола. Но уже в самом начале, когда он в присутствии представителей власти поет революционные песни, а свернувшись за угол, оттаивает в той же власти кусок жареного, артист Афанасьев поразительно точно проявляет в Присыпкине черты неуловимо знакомые. В сцене Будущего размороженное ископаемое уже совсем пагло садится на пелю частому в доверчивому обществу.

Есть в медиков термин: «дермальная инфекция» — та, которая уходит в подполье организма и, затаявшись, ждет случая многие годы. Не к тому ли разряду относится мешатство — человеческий порок, вежно стоящий на пути прогресса и принимающий такие разнообразные и скрытые облики? Вот Присыпкин обучает этикету Баяя в аллом костюме (он твердо усвоил, что оболочка должна быть красивой). Изображающий его Леонид Моисеянский артистично и издалека преподает

наглядный сеанс, как можно надучать красивое мешатство при полуподсветном свете, через микрофон. В своем «Клопе» павлодарский театр признает быть блестящими, одинаково апеллируя и к собеседнику-зрителю и к себе самому, без указующего перста, без деления на «я — обличитель» и «ты — мешатин». И это не прелесть, а человеческая позиция авторов феерического представления, следящего на выдумку, озорного.

ТАКАЯ мера гражданской ответственности за сегодняшнюю жизнь в личной заинтересованности в ее совершенствовании определяет творческую температуру всех работ театра, независимо от художественной зрелости в степени мастерства. Высокую ноту спектакля-концерта «Я к вам приду» — чтобы «всех на первый крик — товарищ! — оборачивались земля!» — рождает исповедническая искренность выступающих от автора (Олег Афанасьев, Дорная Дролюк, Владимир Кузнецов, Леонид Моисеянский). Для них, артистов шестидесятых годов, революция, бывшая из строк Маяковского, — это тот родник, откуда они черпают свою чистоту и свою веру.

В «Городе на заре» самоотдача каждого исполнителя одинаково строгая дорогой им спектакль. Артисты живут в крас, который тоже освещается энтузиазмом в где энтузиазм тоже порой обходится беднее. Новая жизнь строителя Комсомольска в спектакле «Город на заре» дала во имя продолжения их мечты. И утверждение правоты бескорыстия театру важнее порицания чужой временной несправоты.

Как и в «Оюде», увлеченном уже в Павлодаре, Кузнецов изображает его не представителем такой эпохи: в его герою — бескомпромиссность Оюда. Данил Корчагин. Карбышев в сцене, кто сгорал во имя больших надежд.

ГДЕ-ТО совсем рядом время, когда Присыпкин не посмел подмигнуть кому-нибудь в зале: «Братки! Сколько нас, за что же меня одного в клетку? Мешатство, чуждость, развлекательная и многого, многого не буст. И даже, возможно, вырастут базовые аватары где-нибудь в степи, как мечтает старый профессор из пьесы Лаврентьева. Но для всего этого очень надо, чтобы люди любили землю и сгорали в ее своей любовью и разумностью. Потому что если человек отрывается от родной почвы, то может обернуться трагедией не только для него самого. Вот о чем пошла премьера Драматического театра пьесы А. П. Чехова «Где-то совсем рядом» по пьесе

се сибиряка Виктора Лаврентьева, показанная недавно в Павлодаре.

Поздняя по селам и деревням, в которых артисты ежегодно не по службе, а по сердечному желанию проводят добрую половину лета, личные впечатления в пьесе живы — со всеми ее плюсами и минусами — все это сложилось в самое уважение и земле и хлеборобу, уважение, родившее авторскую спектакль «Где-то совсем рядом». От своих соседей по афите спектакль отличается неторопливым ритмом, негромкими выразительными средствами — в режиссуре Кузнецова, в работе художника Л. Стояровой, в исполнительской манере актеров, строящих человеческие судьбы. В центре повествования — тема потомственного крестьянина Анисыма.

Его играет Владимир Ермаков. Сам он из крестьянской семьи, где отец знал вынуждены Толстого и Пришвина и завещал детям: присеменение делат человека человеком. Ермаков вступил в актерскую студию, бросил, учитывался на сцене, воевал, потом работал в разных периферийных труппах, в вот теперь он актер и директор павлодарского театра.

Замечена закономерность: хорошему актеру почему-то всегда попадается умный зритель. По-разному реагирует зал на этот неравный в художественном отношении спектакль, но самым ответственным моментом присутствует тишина. Она слушает Ермакова, когда он, высветивший зрительным аллоном, по-крестьянски негромко, но основательно произносит слова в защиту Анисыма, сердцем приросшего к земле. У Лаврентьева, а следовательно, и в сцене Анисыма погибает от всеобщего случая, так и не вернувшись с должности «хозяйки гостиницы» к любимому крестьянскому труду. Но весь строй спектакля о том, что вступили другие времена в теверь «специализации», которых вытиснула из института на колхозное поле, уже не могут мешать Анисиму хозяйствовать на земле.

НЕСКОЛЬКО лет назад Владимир Иванович Ермаков, не удовлетворенный творческим зыгом в театре, отправился в Москву, а ГИТИС искать единомышленников. И вот ему поверила и прехлала не корысть рая, а делать серьезное искусство. Пережилась всякое: а неартистичность, в обилии же в карьеризме, но теперь все налаживается. Открыли даже студию, где беспрестанно воспитывают приемников. Живут коллективом в высоком здании этого повлота. Он уже по-

полняется новичками, стекающимися на огонек, к Ермакову в Кузнецкову (он четыре года назад в двадцатилетнем возрасте стал главным режиссером). Много спорит, думают.

Понятно, молодым артистам далеко не все удастся, они нуждаются в умном, дружеском совете. И жаль, что провозглашен родной театр в столицу, газета «Звезда Прииртышья», которая раньше не баловала его вниманием, опубликовала под рубрикой «Полемика» несколько материалов, где разговор велся некалфицифицированно. Зачем нам нужен спектакль, спрашивает автор одной статьи, после которого «долго не можем найти душевного равновесия?»

Конечно, похвалю стремление «Звезды Прииртышья» предоставить трибуну зрителям. Но, как вполне справедливо отметила «Казастанская правда» в своем обзоре печати под названием «Учить, не поучая», настоящей-то полемики не получилось. Низкий уровень дискуссии свел на нет все замыслы и мог только сойти с толку коллектив, ставившийся на ноги. «Казастанская правда» задала резонный вопрос: а для чего существует театр, если угодно, этого таким же, каким пришел, с его душевным равновесием? И не за это ли, в самом деле, надо поддерживать художника, что он пытается активно воздействовать на жизнь, на мысль, чувства, волю зрителя?

Ведь это так дорого, что в городе, где есть пока одно отпосительно пригородное здание театра и один Дом культуры (вот и все сценические площадки), куда от Москвы почти семь часов лету, да еще с пересадкой, рождается поистине непериферийное искусство. И что оно — это искусство — есть частичка общего театрального процесса страны. Достаточно точно отражающая его сегодняшние закономерности.

...Округ Павлодара идет большое строительство. Завершается сооружение нефтеперерабатывающего и алюминиевого заводов, химкомбината и массовых жилых домов.

На фоне входящей в бескрайность степи, с ее голубыми осенними размытыми колоритом высились, как сфинксы, бывшие алюминиевого завода. А рядом бараки, где еще живут строители. Хозяйка города — а сейчас ими были артисты — рассказывала обо всем так, словно это они проектировали красивый завод и будут сносить бараки.

Вспоминалась фраза, которую сказал один из них: «Мы строим Павлодар. а он — нас».

Г. КОЖУХОВА.

(Маш спец. корр.).

Павлодар — Москва.